

ФАНТАЗИО

Комедия в двух действиях

1833

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Король Баварский.

Принц Мантуанский.

Мариони, его адъютант.

Руттен, секретарь короля.

Фантазио

Спарк

Гартман

Фацио

} молодые горожане.

Офицеры, паж и пр.

Эльсбет, дочь короля Баварского.

Наставница ее.

Действие происходит в Мюнхене.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

ВО ДВОРЦЕ.

Король, окруженный придворными; Руттен.

Король. Друзья мои, уже давно я объявил вам, что дорогая дочь моя Эльсбет обручена с принцем Мантуанским. Сегодня возвещаю вам прибытие этого принца; нынче вечером, завтра — самое позднее, он вступит в этот дворец. Пусть этот день для всех будет праздником; пусть откроются тюрьмы, и пусть народ веселится всю ночь. Руттен, где дочь моя?

Придворные удаляются.

Руттен. Ваше величество, она в парке со своей наставницей.

Король. Отчего я еще не видел ее сегодня? Печалит ее или радует этот предстоящий брак?

Руттен. Мне показалось, что лицо принцессы овеяно меланхолией. Но какая девушка не предается грезам накануне дня своей свадьбы? Она огорчена смертью Сен-Жана.

Король. Что ты? Смертью моего шута, придворного забавника, горбуна, почти слепого?

Руттен. Принцесса любила его.

Король. Руттен, ты видел принца. Скажи мне, что это за человек? Увы! Я отдаю ему то, что есть у меня самого драгоценного, а ведь я его не знаю.

Руттен. Я очень недолго пробыл в Мантуе.

Король. Говори откровенно. Ведь только твоими глазами я и могу увидеть всю правду.

Руттен. Право же, ваше величество, я ничего не могу сказать о характере и уме благородного принца.

Король. Да? Ты в перешительности, ты, царедворец! Если бы принц, который завтра станет моим зятем, показался тебе достойным этой чести, о, каким множеством похвал, лестных гипербола и метафор наполнился бы воздух этой комнаты! Неужели я ошибся в нем, друг мой? Неужели мой выбор был неудачен?

Руттен. Ваше величество, принц слышет безупречным монархом.

Король. Политика — тонкая паутина, и в плену ее бьется не одна несчастная пойманная муха; счастье моей дочери я не припесу в жертву никаким государственным соображениям.

Уходят.

СЦЕНА ВТОРАЯ

улица.

Спарк, Гартман и Фацио пьют, сидя за столом.

Гартман. Сегодня — свадьба принцессы, — так будем пить, курить и постараемся надсделать шуму.

Фацио. Хорошо бы присоединиться к толпе, что слует по всем улицам, и вылить несколько плошек с маслом на добрые мецанские головы.

Спарк. Ну, полно! Давай спокойно покурим.

Гартман. Я ничего не стану делать спокойно; в праздник я во что бы то ни стало дождею трезвоить — хотя бы мне

пришлось превратиться в язык колокола и повиснуть на колокольне. Черт возьми, где же Фаптазио?

С п а р к. Подождем его; не будем ничего предпринимать без него.

Ф а ц и о. Ну, он всегда отыщет нас! Он, верно, пьянствует в каком-нибудь кабаке на Нижней улице. Ну, еще разок! (*Подымает свой стакан.*)

О ф и ц е р (*входит*). Господа, покорнейше вас прошу — уйдите куда-нибудь подальше, если хотите веселиться без помехи.

Г а р т м а н. Почему, капитан?

О ф и ц е р. Принцесса в настоящую минуту находится на этой террасе, и вы, конечно, понимаете, что ей не подобает слушать ваши крики. (*Уходит.*)

Ф а ц и о. Это невыносимо!

С п а р к. Не все ли нам равно, где смеяться, — здесь ли, в другом ли месте?

Г а р т м а н. А кто поручится, что и в другом месте нам не запретят смеяться? Вот увидите, всюду из-под земли будут вырастать негодяи в зеленых мундирах и просить нас, чтобы смеяться мы отправлялись на луну.

Входит Мариони, закутанный в плащ.

С п а р к. Принцесса не совершила в своей жизни ни одного деспотического поступка. Бог да хранит ее! Если она не желает слышать смеха, значит, она печальна или хочет петь; не будем ей мешать.

Ф а ц и о. Гм! Вот нахохлившийся плащ, который стремится выведать какую-нибудь новость. Этому зеваке хочется заговорить с нами.

М а р и о н и (*подходит*). Я иностранец, господа; по какому случаю это празднество?

С п а р к. Принцесса Эльсбет выходит замуж.

М а р и о н и. Вот как! Она красавица, я полагаю?

Г а р т м а н. Предположение столь же справедливое, как и то, что вы — красавец; вы не ошиблись.

М а р и о н и. И решусь сказать — любима своим народом, ибо, мне кажется, здесь все иллюминировано.

Г а р т м а н. Ты не ошибся, любезный чужеземец; все эти зажженные плошки — ты это правильно заметил — не что иное, как иллюминация.

М а р и о н и. Я хотел спросить, не принцесса ли виновница этого торжества?

Г а р т м а н. Единственная виновница, красноречивый оратор. Если б даже все мы захотели жениться, это не вызвало бы ни малейшей радости в этом неблагоприятном городе.

М а р и о н и. Счастлива принцесса, умеющая внушить народу любовь к себе!

Г а р т м а н. Зажженные плошки еще не могут осчастливить народ, любезный чудак, но это не мешает помянутой принцессе быть своеправной, как пастушка.

М а р и о н и. Право? Она своеправа — сказали вы?

Г а р т м а н. Да, я это сказал, я употребил такое слово.

Мариони кланяется и уходит.

Ф а ц и о. Черт возьми, чего ему надо, этому коспоязычному итальянцу? Вот он отстал от нас и пристает к другим. Он смахивает на шпиона.

Г а р т м а н. Ни на кого он не смахивает, он так глуп, что сердце радуется.

С л а р к. Вот идет Фантазио.

Г а р т м а н. Но что с ним? Он идет, переваливаясь с ноги на ногу, точно советник юстиции. Если я не ошибаюсь, в его уме зреет какой-нибудь причудливый замысел.

Ф а ц и о. Ну что ж, друг, чем мы заполним этот чудный вечер?

Ф а н т а з и о (*входит*). Чем угодно, только не каким-нибудь новым романом.

Ф а ц и о. Я говорил, что нам надо было бы присоединиться к этому сброду и поразвлечься.

Ф а н т а з и о. Главное, надо бы раздобыть картонные посылы и петарды.

Г а р т м а н. Обить девицу, потянуть горожанина за косичку парика, разбить фонарь. Ну, решено же, в путь!

Ф а н т а з и о. Жил-был персидский царь...

Г а р т м а н. Идем же, Фантазио.

Ф а н т а з и о. Я с вами не иду, я с вами не иду.

Г а р т м а н. Почему?

Ф а н т а з и о. Дайте-ка мне стакан вот этого. (*Пьет.*)

Г а р т м а н. На щечках у тебя — май.

Ф а н т а з и о. Это верно; а в сердце — январь. Моя голова — точно старый нетопленный камин: лишь ветер да пепел. Уф! (*Садится.*) Как мне противен весь этот веселящийся люд. Хотелось бы мне, чтоб это огромное грузное небо превратилось в вязаный колпак и нахлобучилось на этот глухой город и его глухих обитателей. Ну, пожалуйста, прошу вас, скажите какой-нибудь старый каламбур, что-нибудь очень избитое!

Г а р т м а н. Зачем?

Ф а н т а з и о. Чтоб посмешить меня. Новое меня не смешит; может быть, рассмешит то, что я уже знаю.

Гартман. Мне кажется, ты что-то страдаешь мизантропией и склонен к меланхолии.

Фантазио. Нисколько; это оттого, что я иду от моей любовницы.

Фацио. Идешь ты с нами или нет?

Фантазио. Я — с вами, если вы — со мной; останемся здесь, потолкуем о том о сем, разглядывая наши новые одеяния.

Фацио. Нет, черт возьми! Если ты устал стоять, то я устал сидеть, хочу поразмяться на свободе.

Фантазио. Я не стал бы разминяться. Покурю в тени этих каштанов, в обществе милейшего Спарка, который останется со мной. Правда, Спарк?

Спарк. Как тебе угодно.

Гартман. В таком случае, прощайте: мы идем смотреть на празднество.

Гартман и Фацио уходят. Фантазио и Спарк садятся.

Фантазио. Какой неудачный закат! Видишь ты воп ту долину, эти жалкие облака, ползущие по горе? Когда мне было двенадцать лет, я рисовал такие пейзажи на обложках моих учебников.

Спарк. Отличный табак! Отличное пиво!

Фантазио. Наверно, я очень надоел тебе, Спарк?

Спарк. Нет. А почему ты спрашиваешь?

Фантазио. А вот ты мне ужасно надоел. Неужели тебе не наскучило видеть каждый день одно и то же лицо? И зачем, черт возьми, Гартману и Фацио понадобилось идти на это празднество?

Спарк. Они оба — малые предприимчивые, и им не сидится на месте.

Фантазио. Что за восхитительная вещь «Тысяча и одна ночь»! О Спарк, милый мой Спарк, если б ты мог перенести меня в Китай! Если б я хоть на час или два перестал быть самим собой! Если б я мог превратиться в этого прохожего!

Спарк. Это, мне кажется, довольно трудно.

Фантазио. Этот прохожий очарователец; посмотри — какие прелестные атласные штаны, какие прелестные красные цветы на жилете! Брелок и цепочка болтаются у него на животе, а поля его сюртука порхают над икрами. Я уверен, что в голове этого человека — тысяча мыслей, совершенно чуждых мне; его сущность — собственное его достоинство. Увы! Все, что люди друг другу говорят, так похоже; мысли, которыми они делятся, почти всегда, во всяком разговоре, одни и те же; из сколько извилин, потайных ящичков в каждом таком одиноком механизме! Каждый носит в себе целый мир, неведомый мир,

который рождается и умирает в безмолвии! В каком одиночестве живут эти человеческие тела!

Сп ар к. Пей, праздный гуляка, не ломай себе голову!

Ф а н т а з и о. За последние три дня меня позабавило только одно: мои кредиторы добились на меня управы, и если я только покажусь у себя дома, появятся четыре стражника и схватят меня за шиворот.

С п а р к. Действительно, очень забавно. Ты где проведешь эту ночь?

Ф а н т а з и о. У первой встречной. Можешь себе представить, мои вещи будут продаваться завтра утром. Мы из них кое-что купим, не правда ли?

С п а р к. У тебя нет денег, Генрих? Хочешь, возьми мой кошелек?

Ф а н т а з и о. Дурак! Если б у меня не было денег, не было бы и долгов. Мне хочется взять в любовницы балерину.

С п а р к. Ты будешь смертельно скучать.

Ф а н т а з и о. Отнюдь нет, мое воображение наполнится пируэтками и белыми атласными туфлями; весь год мне будет обеспечено место на балконе театра, и во сне я буду повторять напевы кларнета, пока не умру, объевшись земляники, в объятиях моей возлюбленной. Заметил ли ты, Спарк, что мы не занимаем никакого положения в свете, мы ничем не заняты.

С п а р к. Это тебя и печалит?

Ф а н т а з и о. Фехтмейстер не может быть меланхоличен.

С п а р к. Мне кажется, к тебе вернулся рассудок.

Ф а н т а з и о. Ах, чтобы вернуться, друг мой, надо посчитать немало мест!

С п а р к. Ну что же?

Ф а н т а з и о. Ну что же! Куда мне деваться? Посмотри на этот старый город, покрытый копотью; в нем ни площади, ни улицы, ни переулки, где бы я не проходил раз тридцать; в нем нет бульварчика, на который не ступали бы мои дырявые подошвы, нет дома, в окне которого не торчала бы моя вечно одна и та же знакомая мне глупая голова старухи или девушки; каждый шаг мой повторяет вчерашний путь; и что же! Милый друг мой, этот город — ничто в сравнении с моим мозгом. Каждый его закоулок мне во сто раз знакомее; каждая улица, каждая яма в нем исследована мной во сто раз подробнее; здесь, в этом истасканном мозгу, я блуждал по сотне направлений, я — его единственный обитатель! — я пьянствовал здесь во всех кабаках; как неограниченный монарх, катался я здесь в золоченой карете; как настоящий мецанин, трусил я здесь верхом на смирном лошаке, а теперь я даже не рискну войти в него, как вор, с потайным фонарем в руках.

С п а р к. Непонятны мне эти вечные раздумья о самом себе. Что до меня, то когда я курю, мысль моя превращается в табачный дым; когда я пью, она превращается в испанское вино или во фландрское пиво; когда я целую руку моей любовницы, моя мысль, коснувшись ее тонких пальцев, электрическим током проникает во все ее существо; запах цветка возвращает мне веселость; достаточно самого хрупкого среди творений всеобъемлющей природы, чтобы превратить меня в пчелу и заставить порхать с вечно новым наслаждением.

Ф а н т а з и о. Скажем прямо, ты способен даже удить рыбу.

С п а р к. Я способен на все, если что-нибудь меня забавляет.

Ф а н т а з и о. Даже пить птичье молоко?

С п а р к. Я не стал бы забавляться таким делом.

Ф а н т а з и о. Ну, ну! Как знать? Птичье молоко — этим пренебрегать не следует. Идем играть в карты!

С п а р к. Нет, нет.

Ф а н т а з и о. Почему?

С п а р к. Потому, что мы проиграем наши деньги.

Ф а н т а з и о. О боже мой! Что это ты еще выдумал! Ты мучишь свой ум и не знаешь, что бы еще изобрести для этого. В твоих глазах, презренный, все окрашивается в черный цвет. Проиграться! Так в сердце твоём нет ни веры в бога, ни надежды? Так ты — невиданный безбожник, способный иссушить мое сердце и разочаровать во всем меня, меня, полного силы и юности? *(Начинает плясать.)*

С п а р к. Право, бывают минуты, когда я не поручился бы, что ты — не сумасшедший.

Ф а н т а з и о *(продолжая плясать)*. Дать мне колокол! Стекланный колокол!

С п а р к. Колокол? Зачем?

Ф а н т а з и о. Не сказал ли Жан-Поль, что человек, поглощенный великой мыслью, подобен водолазу, покрытому колоколом среди необъятного океана? Нет у меня колокола, Спарк, нет колокола, и я, подобно Иисусу Христу, пляшу по волнам необъятного океана.

С п а р к. Делайся журналистом или писателем, Генрих. Это еще самый надежный способ избавиться от мизантропии и притупить воображение.

Ф а н т а з и о. О! Я бы рад был увлекаться омарами с горчицей, какой-нибудь гризеткой, какой-нибудь породой минералов! Спарк! Попробуем вдвоем с тобой выстроить дом.

С п а р к. Отчего ты не записываешь свои бредни? Составилось бы премилое собрание.

Фаптазио. Сонет лучше длинной поэмы, а стакан вина лучше сонета. *(Идет.)*

Спарк. Отчего ты не путешествуешь? Отправляйся в Италию.

Фаптазио. Я был там.

Спарк. И что же? Ты не находишь, что это — чудесная страна?

Фаптазио. Там множество мух, огромных, точно майские жуки; они кусаются всю ночь.

Спарк. Отправляйся во Францию.

Фаптазио. В Париже пет хорошего рейпвейна.

Спарк. Отправляйся в Англию.

Фаптазио. Вот именно! Да разве у англичан есть родина? Я и здесь могу с таким же успехом любоваться ими.

Спарк. Ну, тогда отправляйся к черту.

Фаптазио. Если бы на небе был черт! Если бы был ад, с какой охотой всадил бы я себе пулю в лоб, чтобы посмотреть на это все! Что за жалкое создание человек! Даже из окна нельзя выпрыгнуть так, чтобы при этом не поломать ноги! А на скрипке надо играть лет десять, чтобы стать сносным музыкантом! Учиться, чтобы стать художником! Учиться, чтобы стать кошкодом! Учиться, чтобы приготовить яичницу! Слушай, Спарк, порой у меня является желание — усесться на паранет и, глядя на течение реки, начать считать: один, два, три, четыре, пять, шесть, семь и так далее, считать до самой смерти.

Спарк. Твои слова у многих вызвали бы смех, но меня ты приводишь в содрогание; в этих словах — вся история нашего века. Вечность подобна огромному гнезду, из которого один за другим, точно орлята, вылетали века, чтобы пронестись и исчезнуть; наш век, когда пришло ему время, собрался лететь; но ему отрезали крылья, и вот он ждет смерти, созерцающая пространства, в которые он не может устремиться.

Фаптазио *(поет)*.

Не жизнью, лет, — зови меня своей душою.
Бессмертна лишь душа, а жизнь — короткий миг.

Знаешь ли ты, Спарк, более очаровательную песню, чем эта? Это португальская песня. Не было случая, чтобы, вспоминая ее, я не испытывал желания кого-нибудь любить.

Спарк. Кого, например?

Фаптазио. Кого? Не знаю; какую-нибудь красотку, кругленькую, как женщины на картинах Мириса; нечто нежное, как ветер, дующий с запада, бледное, как лучи луны; нечто задумчивое, как те служаночки из гостиницы, которых мы видим на картинах фламандских мастеров: они подают прощальный кубок путешественнику, обутому в тяжелые ботфорты, что

сидят прямо и неподвижно верхом на белом коне. Чудная вещь этот прощальный кубок! На пороге двери — молодая женщина, в глубине комнаты пылает очаг, ужин готов, дети заснули; весь покой мирной созерцательной жизни изображен в одном углу картины! А тут — человек, еще не успевший перевести дыхание, но твердо сидящий в седле; он проехал двадцать миль, а предстоит ему еще тридцать; глоток вина — и в путь. Ночь темна; близится несчастье; лес полон опасностей; добрая женщина еще минуту будет следить за ним глазами, а там, возвращаясь к своему очагу, она бросит ему вслед, как нищему, великое слово-милостыню: бог да хранит его!

С п а р к. Если бы ты влюбился, Генрих, ты был бы счастливейшим из людей.

Ф а н т а з и о. Любви не существует, дорогой мой друг. У религии, ее кормилицы, груди отвисли, словно кошелек, в котором болтается медный грош. Любовь — это святые дары; любящие должны преломить их надвое и сразу поглотить их в поцелуе; больше нет алтарей, больше нет любви. Да здравствует природа! Есть еще вино! (*Идет.*)

С п а р к. Ты напьешься.

Ф а н т а з и о. Я напьюсь, ты прав.

С п а р к. Час для этого несколько поздний.

Ф а н т а з и о. Что, по-твоему, поздно? Полдень — это поздно, а полночь — это рано? Как ты считаешь время? Прошу тебя, Спарк, останемся тут. Будем пить, говорить, рассуждать, молоть вздор, разбирать политические вопросы; станем измышлять правительственные комбинации; начнем ловить всех майских жуков, летающих около этой свечи, и сажать их себе в карманы. Знаешь ли, паровые пушки — прекрасная вещь с точки зрения филантропии.

С п а р к. Что ты хочешь этим сказать?

Ф а н т а з и о. Жил-был царь, мудрый, мудрый, счастливый, счастливый...

С п а р к. Дальше что?

Ф а н т а з и о. Одного лишь не хватало для его счастья: у него не было детей. Он велел всему народу молиться в мечетях.

С п а р к. К чему все это клонится?

Ф а н т а з и о. Мне вспоминаются мои бесценные «Тысяча и одна ночь». Вот так начинаются они все. Слушай, Спарк, и пьян. Надо мне что-нибудь придумать. Тра-ла, тра-ла! Ну, встанем!

Проходят похороны.

Эй, добрые люди, кого это вы хороните? Сейчас, собственно, не время для похорон.

Факельщики. Мы хороним Сен-Жана.

Фантазио. Умер Сен-Жан? Умер королевский шут? Кто же занял его место? Не министр ли юстиции?

Факельщики. Место его вакантно, вы можете занять его, если хотите. (*Уходят.*)

Спарк. Ты сам нарвался на эту дерзость. Чего тебе вздумалось останавливать этих людей?

Фантазио. Тут нет никакой дерзости. Человек этот дал мне дружеский совет, и я ему тотчас последую.

Спарк. Ты станешь придворным шутом?

Фантазио. Нынче ж почью, если меня захотят взять. Раз я не могу почевать у себя дома, я желаю видеть эту королевскую комедию, что будет разыграна завтра, и видеть ее из ложи самого короля.

Спарк. Ах, какой умный! Тебя узнают, и лакеи выставят за дверь. Ведь ты — крестник покойной королевы?

Фантазио. Ах, какой глупый! Я надену горб и рыжий парик, как носил Сен-Жан, и никто меня не узнает, если б даже за мной гнались целых три дюжины крестьян матерей. (*Стучит в дверь лавки.*) Эй, добрый человек, открой, если ты не ушел со своей женой и своими собачками!

Портной (*отворяя дверь лавки*). Что угодно вашей милости?

Фантазио. Вы, кажется, придворный портной?

Портной. К вашим услугам.

Фантазио. Кажется, Сен-Жан одевался у вас?

Портной. Да, сударь.

Фантазио. Вы были с ним знакомы? Вы знаете, с какой стороны был у него горб, как он завязывал усы и какой он носил парик?

Портной. Хе-хе! Да вы, сударь, шутите.

Фантазио. Эй ты, я вовсе не шучу; иди в лавку, и если ты не хочешь, чтобы завтра тебе налили отравы в твой утренний кофе, постарайся молчать обо всем, что здесь сейчас произойдет.

Уходит с портным; Спарк идет за ними.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

ГОСТИНИЦА ПО ДОРОГЕ В МОНАХИ.

Входят принц Мантуалеский и Марионни.

Принц. Ну так что же, капитан?

Марионни. Что угодно вашей светлости?

Принц. Ну что же, Марионни!

М а р и о н и. Задумчива, своеспавна, полна безумной вельести, послушна своему отцу, очень любит зеленый горошек.

П р и н ц. Защиште это; я хорошо разбираю только косой почерк.

М а р и о н и. Меданхо...

П р и н ц. Пиши про себя: я с самого обеда занят важным планом.

М а р и о н и. Вот, ваша светлость, то, что вы приказали.

П р и н ц. Хорошо, я могу назвать тебя моим искренним другом; во всей стране я не знаю такого прекрасного почерка, как твой. Сядь на некотором расстоянии от меня. Так вы думаете, друг мой, что вам знакома тайна характера принцессы, будущей моей сунруги?

М а р и о н и. Да, ваша светлость; я исходил все улицы вокруг дворца, и эти странички заключают основные черты различных разговоров, в которые я вступал.

П р и н ц (*глядясь в зеркало*). Кажется, я напудрен, как человек самый низкородный.

М а р и о н и. Костюм ваш великолепен.

П р и н ц. Что бы ты сказал, Мариони, если б увидел, как твой государь надевает простой фрак оливкового цвета?

М а р и о н и. Ваша светлость изволит смеяться над моим лежковерием.

П р и н ц. Нет, капитан. Узнай, что государь твой — человек самый романтический.

М а р и о н и. Романтический, ваша светлость?

П р и н ц. Да, друг мой (я пожаловал тебе это звание). Тот важный план, который я обдумываю, — вещь несслыханная в моем роду; я намереваюсь прибыть ко двору короля, моего тсетя, под видом простого адъютанта; мало того, что я послал человека из моей свиты подслушать молву о будущей принцессе Мантуанской (и человек этот, Мариони, это ты сам), и хочу еще понаблюдать собственными глазами.

М а р и о н и. Правда, ваша светлость?

П р и н ц. Не изумляйся. Другом такого человека, как я, может быть только человек с умом широким и изобретательным.

М а р и о н и. Лишь одно обстоятельство, кажется мне, мешает осуществить замысел вашей светлости.

П р и н ц. Какое?

М а р и о н и. Плав этого переодевания мог возникнуть только в уме того славного монарха, который правит нами. Но если мой милостивый повелитель сольется со своей свитой, то кого же король Баварский сможет почтить роскошным ширшеством, которое должно состояться в большой галерее?

П р и н ц. Ты прав, если я замаскируюсь, кому-нибудь надо занять мое место. Это невозможно, Мариони; я об этом не подумал.

М а р и о н и. Почему же невозможно, ваша светлость?

П р и н ц. Я могу увидеть достоинство монарха до степени капитана; но неужели ты думаешь, что я кого бы то ни было соглашусь поднять до себя? Кроме того, как ты думаешь — простит ли мне это мой будущий тесть?

М а р и о н и. Король слывет человеком очень умным и рассудительным, приятного нрава.

П р и н ц. Ах! Я не без сожаления отказываюсь от своего плана. Проникнуть к этому двору, новому для меня, без всякого блеска, без всякого шума, все наблюдая, приблизиться к принцессе не под своим именем, может быть возбудить в ней любовь! О, мои мысли мешаются, это невозможно. Мариони, друг мой, примерь мой парадный мундир; я не в силах отказаться от этого.

М а р и о н и (с поклоном). Ваша светлость!

П р и н ц. Как ты думаешь, грядущие века не забудут подобного обстоятельства?

М а р и о н и. Никогда, милостивый монарх.

П р и н ц. Пойдем, ты примеришь мой мундир.

Уходит.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

САД КОРОЛЯ БАВАРСКОГО.

Входят Эльбет и ее наставница.

Н а с т а в н и ц а. Мои бедные глаза пролили столько слез, целые потоки слез.

Э л ь с б е т. Ты такая добрая! И я любила Сен-Жана. Как он был остроумен! Он не был обыкновенный шут.

Н а с т а в н и ц а. Подумать, что он отиравился на небо накануне дня вашей свадьбы! Он, говоривший только о вас и за обедом и за ужинком, вернее — целый день. Он — такой веселый, такой забавный, что нельзя было не полюбить уродство и что глаза все время искали его, наперекор самим себе.

Э л ь с б е т. Не говори о моей свадьбе; это еще большее несчастье.

Н а с т а в н и ц а. Вы знаете, что принц Маптуанский приезжает завтра? Говорят, он — Амадис.

Эльсбет. Дорогая моя, что ты говоришь? Он ужасен и глуп, это уже всем известно.

Наставница. Право? Мне говорили, что он Амадис.

Эльсбет. Я и не просила об Амадисе, дорогая моя; по порою горько чувствовать, что ты — всего лишь дочь короля. Отец мой — лучший из людей; брак, который он готовит, обеспечит мир его государству; наградой ему будет благословение народа, а мне, увы! — его благословение, и только.

Наставница. Какая печаль в ваших словах!

Эльсбет. Если бы я отказала принцу, вскоре опять началась бы война. Какое несчастье, что эти мирные трактаты лишутся слезами! Я хотела бы стать поумнее и смириться перед необходимостью выйти замуж за первого встречного, если этого требует политика. Быть матерью народа — это утешает великие сердца, но не слабые головы. Я только бедная мечтательница; виною тому, быть может, твои романы — ты ведь никогда не расстаешься с ними.

Наставница. О боже! Не говорите о них.

Эльсбет. Я мало знаю жизнь, я много мечтала.

Наставница. Если принц Мантуанский таков, как вы сказали, бог не даст совершиться этому браку, я уверена в том.

Эльсбет. Ты думаешь! Бог предоставляет людям действовать и нашим жалобам придает не больше значения, чем блеянию овцы.

Наставница. Я уверена, что если вы откажете принцу, ваш отец не будет принуждать вас.

Эльсбет. Конечно, он меня не будет принуждать, и потому-то я и приношу себя в жертву. По-твоему, я должна просить моего отца, чтоб он отказался от своего слова и росчерком пера зачеркнул свое всеми чтимое имя на мирном трактате, который осчастливит тысячи людей? Что за беда, если одной он принесет несчастье! Пусть мой добрый отец будет добрым королем.

Наставница всхлипывает.

Не плачьте обо мне, дорогая; от твоих слез, пожалуй, я и сама заплачу, а не полагается, чтобы у августейшей невесты были красные глаза. Пусть все это тебя не огорчает. В конце концов я стану принцессой, это, быть может, и забавно; я люблю, быть может, свои наряды, или — как знать? — свои экипажи, свой новый двор; к счастью, замужество сулит принцессе не только мужа. Быть может, среди свадебных подарков я найду свое счастье.

Наставница. Поистине, вы агнец, приносимый в жертву.

Эльсбет. Вот что, моя дорогая, пусть прежде всего это пап доемшит, а плакать мы еще успеем. Говорят, принц Мантуанский -- самая смешная вещь на свете.

Наставница. Если бы Сен-Жан был с нами!

Эльсбет. Ах! Сен-Жан! Сен-Жан!

Наставница. Вы очень любили его, дитя мое.

Эльсбет. Странно, с его умом меня связывали незримые нити, тянувшиеся к моему сердцу; его вечные шутки над моими романтическими взглядами удивительно нравились мне, а между тем я лишь с трудом выношу многих людей, разделяющих мои мнения; не знаю, что-то было в нем, в его глазах, в его движениях, в его манере шохать табак. Это был причудливый человек; когда он разговаривал со мною, передо мною проносились прелестные картины; его речь словно по волшебству оживляла самые страшные вещи.

Наставница. Он был настоящий Трибуле.

Эльсбет. Не могу судить; во всяком случае это был редкий ум.

Наставница. Вот засуетились пажи; полагаю, вскоре появится принц; вам следует вернуться во дворец -- переодеться.

Эльсбет. Умоляю тебя, дай мне еще четверть часа; пойди приготовь все, что надо; увы, моя дорогая, уже недолго остается мне мечтать.

Наставница. Боже! Неужели же совершится этот брак, если он вам так не по сердцу? Отец принесет в жертву свою дочь! Король, если он это сделает, поступит, право, как Иевфай.

Эльсбет. Не отзывайся плохо о моем отце; иди, дорогая, приготовь все, что надо.

Наставница уходит.

(Одна.) Мне кажется, за этими деревьями есть кто-то. Не призрак ли моего бедного шута является мне там, на лужайке, среди васильков? Отвечайте мне: кто вы такой? Зачем вы тут собираете цветы? *(Подходит к холмику.)*

Фантазио *(сидит, одетый шутком, с горбом и в парике)*. Я честный собиратель цветов, приветствующий ваши прекрасные глаза.

Эльсбет. Что значит этот паряд? Кто вы такой, что посмели надеть этот широкий парик и передразниваете человека, которого я любила? Или вы упражняетесь в ремеслу шута?

Фантазио. С соизволения вашего высочества, я -- первый шут короля; мажордом приняв меня благосклонно; я представлен камердинеру; повара покровительствуют мне со вче-

рашнего вечера, и я скромно собираю цветы в ожидании, что меня озарит остроумие.

Эльсбет. Мне кажется сомнительным, чтобы вам когда-нибудь удалось сорвать этот цветок.

Фантазио. Почему? Остроумие может озарить старика так же, как и молодую девушку. Порой так трудно отличить остроумие от какой-нибудь страшной глупости. Побольше говорить — вот главное; самый плохой стрелок, если он делает в минуту семьсот восемьдесят выстрелов, может попасть в цель с таким же успехом, как стрелок самый искусный, довольствующийся лишь одним или двумя меткими выстрелами. Все, о чем я прошу, — это хороший корм для моего толстого брюха, и я буду разглядывать свою тень на солнце, чтобы узнать — не растут ли волосы на моем парике.

Эльсбет. И вот, вы оделись в платье Сеп-Жана? Вы правы, что говорите о вашей тели; пока вы будете носить эти одежды, она, мне кажется, больше будет напоминать его, чем сами вы.

Фантазио. Я сочиняю сейчас элегию, которая решит мою судьбу.

Эльсбет. Каким образом?

Фантазио. Она ясно докажет, что я самый великий человек, или она ничего не будет стоить. Я собираюсь перевернуть вверх дном всю вселенную, чтобы сделать из нее акростих, и луна, солнце и звезды дерутся за место среди рифм, как школьники у входа в театр мелодрамы.

Эльсбет. Бедняга! За какое ремесло ты берешься! Остричь на заказ! Разве нет у тебя ни рук, ни ног, и не лучше ли было бы тебе пахать землю, чем вспахивать свой мозг?

Фантазио. Бедняжка! За какое ремесло вы беретесь! Идти замуж за дурака, которого вы никогда не видали! Разве нет у вас ни сердца, ни ума, и не лучше ли было бы вам торговать вашими платьями, чем вашим телом?

Эльсбет. Это уж дерзость, господни новоприбывший!

Фантазио. Простите, как вы назовете этот цветок?

Эльсбет. Тюльпаном. Куда ты клонишь?

Фантазио. Красным тюльпаном или синим тюльпаном?

Эльсбет. Синим, как мне кажется.

Фантазио. Отнюдь, это красный тюльпан.

Эльсбет. Ты хочешь облечь в новые одежды старую истину? Это тебе ни к чему, если ты хочешь сказать, что о вкусах и цветах не спорят.

Фантазио. И не спорю; я говорю вам, что этот тюльпан — красный тюльпан, и все же я согласен с тем, что он — синий.

Эльсбет. Как это у тебя выходит?

Фаптазю. Так же, как ваш брачный контракт. Кто из людей может знать, синий он или красный от рождения? Даже тюльпаны этого не знают. Потариусам в судах и садовых в садах знакомы такие придирки и прививки, что яблоки превращаются в тыквы, а чертополох, который только что жевал осел, утопает в соусе на серебряном блюде, из которого ест енисекон. Вот этот тюльпан собирался быть красным, но его женили; он удивляется своей синеве: так весь мир перерождается под руками человека; и порою бедной природе приходится от души смеяться, когда в озерах и морях отражается ее вечный маскарад. Вы думаете, что в раю Мойсесовом пахло розами? Там пахло только свежим сеном. Роза — дочь цивилизации, она — маркиза, как вы и я.

Эльсбет. Бледный цветок шиповника может стать розой, и чертополох может превратиться в артишок; но цветок не может стать иным. Итак, не все ли равно природе? Ее нельзя изменить, ее можно украсить или убить. Самая скромная фиалка скорей погибнет, чем уступит лам, если мы захотим искусственными средствами изменить в ней хоть одну тычку.

Фантазио. Вот почему я больше значения придаю фиалке, чем дочери короля.

Эльсбет. Есть вещи, над которыми даже шуты не имеют права смеяться, имей это в виду. Если ты подслушал мой разговор с наставницей, берегись: как бы не пострадали твои уши.

Фантазио. Не уши, но язык. Вы избрали неверный путь и запутались в словах.

Эльсбет. Не говори со мной каламбурами, если хочешь получать деньги, и не сравнивай меня с тюльпанами, если хочешь получить еще что-нибудь в придачу.

Фантазио. Как знать? Каламбур часто служит утешением в беде, а играть словами — это такой же способ играть мыслями, поступками и людьми, как и всякий другой. На этой земле все есть каламбур, и понять взгляд четырехлетнего ребенка столь же трудно, как понять галаматю трех современных драм.

Эльсбет. Мне кажется, ты глядишь на мир сквозь призму несколько изменчивую.

Фантазио. У всякого свои очки, но никто не знает точно, какого цвета стекла. Кто сможет сказать мне точно, счастлив я или несчастен, добр или зол, грустен или весел, глух или остроумен?

Эльсбет. Во всяком случае ты уродлив, это бесспорно.

Фантазио. Не более бесспорно, чем ваша красота. Вот идет ваш отец с вашим будущим суругом. Кто знает, выйдете ли вы за него замуж? *(Уходит.)*

Эльсбет. Раз невозможно избежать встречи с принцем Мантуанским, я могу подойти сама.

Входят король, Мариони, одетый принцем, и принц, одетый адъютантом.

Король. Принц, вот моя дочь. Извините ее, если она одета как садовница; вы здесь в гостях у простого горожанина, который правит подобными ему, и наш этикет к ним столь женисходителен, как и к нам самим.

Мариони. Позвольте мне, ваше высочество, поцеловать эту прелестную ручку, если это не слишком большая милость для моих губ.

Эльсбет. Ваша светлость извинит меня, если я вернусь во дворец. Надеюсь, я встречу вашу светлость, в согласии с приличиями, на вечернем приеме. (*Уходит.*)

Принц. Принцесса права; чудесная стыдливость.

Король (*къ Мариони*). Что это за адъютант? Он следует за вами, словно тень? Невыносимо слушать, как ко всему, что мы говорим, он прибавляет нелицезамечание. Прошу вас, отошлите его.

Мариони шепотом говорит что-то принцу.

Принц (*также*). Ты очень ловко сделал, что внушил ему удавить меня; я постараюсь догнать принцессу и шепнуть ей несколько нежных слов, но и вида не покажу. (*Уходит.*)

Король. Друг мой, этот адъютант — дурак; на что вам может быть пужен такой человек?

Мариони. Гм! Гм! Если ваше величество ничего не имеет против, пройдемся еще немного дальше: среди этих деревьев как будто виднеется очаровательнейшая беседа.

Уходят.

СЦЕНА ВТОРАЯ ДРУГАЯ ЧАСТЬ САДА.

Принц (*входит*). Моя затея удалась как нельзя лучше; я наблюдаю и внушаю к себе любовь. До сих пор все идет так, как я того желаю. Отец, кажется, великий король, хотя слишком бесцеремонен, и меня удивило бы, если б я не поправился ему с первого же раза. Я вижу принцессу — она возвращается во дворец; судьба удивительно благоприятствует мне.

Входит Эльсбет; принц подходит к ней.

Ваша светлость, позвольте верному слуге вашего будущего супруга принести вам искренние поздравления, которые его

смирненное и полное преданности сердце не в силах удержать при виде вас. Счастливицы великие мира! Они могут жениться на вас, а я не могу! Для меня это совершенно невозможно: я не знатного происхождения. Все мое богатство — имя, грозное для врагов; сердце чистое, без единого пятна, бьется под этим мундиром: я бедный солдат, с ног до головы израненный пулями; у меня нет ни одного дуката; я одинок, я изгнан из моего родного края, как изгнан из отчизны небесной, то есть рай моих грез; нет женщины, сердце которой я мог бы прижать к моему сердцу; я проклят и должен хранить молчание.

Эльсбет. Что вам надо от меня, сударь? Сумасшедший вы или просите милостыни?

П р и н ц. Как трудно было бы выразить словами то, что я чувствую! Я видел, как вы шли совсем одна по этой аллее, я думал, что долг велит мне броситься к вашим ногам и предложить проводить вас до ворот.

Эльсбет. Я благодарю вас; окажите мне услугу, оставьте меня в покое. (*Уходит.*)

П р и н ц (*одни*). Или я напрасно с ней заговорил? Однако надо было это сделать, раз я намерен обольстить ее, явившись под видом другого. Да, я хорошо сделал, что заговорил с ней. Однако ответ ее был неприятен. Быть может, не надо было мне говорить так страстно. Однако это надо было сделать, раз мой брак почти решен и меня считают за Маринони, который заменяет меня и место которого я должен занять. Я был прав, что говорил с ней страстно. Но ответ был неприятный. Неужели сердце ее черство и эживо? Надо было бы искусно исследовать вопрос. (*Уходит.*)

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

АВАНСАЛ.

Фантасио (*лежа на ковре*). Какое чудесное ремесло — ремесло шута! Кажется, я был навеселе вчера вечером, когда сидел в это платье и явился во дворец, но, право же, никогда здравый смысл не внушал мне поступка, который мог бы сравниться с этим безумием. Я прихожу, и вот я принят, ласкаем, занесен в списки и — что всего лучше — забыт. Я рассказываю взад и вперед по этому дворцу, как будто я прожил в нем всю жизнь. Я только что повстречался с королем, он даже не полюбопытствовал взглянуть на меня. Его шут умер, ему сказали: «Ваше величество, вот другой!» Это отлично! Мозг мой теперь, слава богу, ничем не стеснен, я могу проделывать какие угодно шутики, и никто ничего мне не скажет, не поменает мне; я — одно из домашних животных короля

Баварского, и если захочу, пока на мне будет этот горб и парик, меня до самой моей смерти оставит жить в обществе спанзеля и цесарки. А покамест кредиторы могут вволю разбивать себе носы о мою дверь. Благодаря этому парику я здесь в такой безопасности, как если бы находился в Вест-Индии.

Не принцессу ли я вижу сквозь эту стеклянную дверь? Она оправляет свою фату: по щекам ее текут две слезинки: вот одна из них обрывается, точно жемчужина, и падает ей на грудь. Бедная малютка! Нынче утром я слышал ее разговор с наставницей. Право же, это была случайность; я просто сидел на траве, собираясь вздремнуть. А вот сейчас она плачет и даже не подозревает, что я снова вижу ее. Ах! Если бы я учился риторике, каким глубоким предался бы я размышлениям об этом коропованном страдании, об этой бедной овечке, которой надевают розовую ленту, чтобы вести на бойню. Эта девочка, паверно, романического права; ей тяжело идти замуж за человека, которого она не знает. Однако она безмолвно приносит себя в жертву. Как прихотлива судьба! Надо мне было написать, встретить похороны Сен-Жана, надеть его платье и занять его место, словом, надо было мне решиться на величайшее безумие, чтобы увидеть сквозь эту стеклянную дверь две слезинки, которые, быть может, уронит это дитя на свою старбную фату.

Уходит.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

АЛЛЕЯ САДА.

Принц, Мариони.

Принц. Капитан, ты дурак — и только.

Мариони. Ваша светлость самым прискорбным образом заблуждается на мой счет.

Принц. Ты страшный болван. Разве ты не мог этому помышать? Я посвящаю тебя в величайший замысел, какой когда-либо был в течение нечисляемого ряда лет, и ты, мой лучший друг, мой самый верный слуга, ты делаешь одну глупость за другой. Нет, нет, что бы ты ни говорил, это непростительно.

Мариони. Как я мог предотвратить неприятности, которые навлекла на себя ваша светлость и которые являются неизбежным следствием нарочитой роли, взятой вами на себя? Вы мне велите облечься вашим именем и держаться, как подданный настоящему принцу Мантуанскому. Мог ли я предотвратить оскорбление, которое король Баварский нанес моему адъютанту? Вы напрасно вмешивались в наши дела.

П р и н ц. Посмотрел бы я, как мошенник вроде тебя станет вмешиваться в мои дела и приказывать мне!

М а р и о н и. Примите все же во внимание, ваш светлость, что мне придется быть или принцем, или адъютантом. Я действую по вашему приказанию.

П р и н ц. Сказать мне в присутствии всего двора, что я паглец. — оттого, что я хотел поцеловать руку принцессы! Я готов объявить ему войну и вернуться в мою страну, чтобы стать во главе армии.

М а р и о н и. Не забудьте, ваша светлость, что эти нелюбезные слова относились к адъютанту, а не к принцу. Неужели вы требуете, чтобы вас уважали и под этой маской?

П р и н ц. Довольно! Отдай мне мой мундир.

М а р и о н и (*снимая мундир*). Если того потребует мой повелитель, я готов умереть за него.

П р и н ц. Право, не знаю, на что и решиться. С одной стороны, меня бесит то, что случилось, а с другой, я в отчаянии, что должен отказаться от своего плана. Принцесса, кажется, не осталась равнодушна к тем двусмысленным речам, которыми я все время ее преследую. Уже два или три раза мне удалось шепнуть ей на ухо нечто необыкновенное. Пойдем, подумаем обо всем этом.

М а р и о н и (*держит мундир*). Что же мне делать, ваша светлость?

П р и н ц. Надень его, надень его, и вернемся во дворец.

Уходят.

/

СЦЕНА ПЯТАЯ

Принцесса Эльсбет, король.

К о р о л ь. Дочь моя, вы должны откровенно ответить на мой вопрос: вам не по сердцу этот брак?

Э л ь с б е т. Ответить, ваше величество, вы должны сами. Он мне по сердцу, если он по сердцу вам; он не по сердцу мне, если он не по сердцу вам.

К о р о л ь. Принц, мне показалось, человек заурядный, о котором трудно сказать что бы то ни было. Только глупость его адъютанта, по-моему, не свидетельствует в его пользу. Что до него, то он, пожалуй, хороший государь, но человек он невоспитанный. В нем нет ничего такого, что бы отталкивало или привлекало меня. Что могу я тебе сказать? В сердце женщины есть тайны, которых знать я не могу; порой они создают себе героев столь необычайных, они так неожиданно улавливают одну или две черты мужчины, представленного им, что невозможно решить за них, пока мы не примем в расчет

какой-нибудь признак, совершенно бесспорный. Скажи же мне прямо, что ты думаешь о своем женихе.

Эльсбет. Я думаю, что он — принц Мантуанский и что война возобновится завтра же, если я не выйду за него замуж.

Король. В этом нет сомнений, дитя мое.

Эльсбет. Итак, я думаю, что выйду за него замуж и что война будет кончена.

Король. Пусть благословения моего народа возблагодарят тебя за твоего отца! О моя бесценная дочь! Меня осчастливит этот брак, но я не хотел бы видеть в этих прекрасных глазах печаль, которая обличает их покорность. (*Уходит.*)

Входит Фантазио.

Эльсбет. Вот и ты, бедняга! Как ты чувствуешь себя здесь?

Фантазио. Как птичка на свободе.

Эльсбет. Ты бы ответил более правильно, если бы сказал — как птичка в клетке. Этот дворец — клетка, достаточно роскошная, но все же это — клетка.

Фантазио. Размеры дворца или комнаты не влияют на стеснь человеческой свободы. Тело движется, где может, воображение порой взмахивает крыльями, огромными как небо. в каземате, узком как ладонь.

Эльсбет. Так, значит, ты — счастливый шут?

Фантазио. Очень счастливый. Я беседую с собачками и с поварами. Там на кухне есть шавка — вот такая, не больше, — удостоившая меня очаровательной беседы.

Эльсбет. На каком языке?

Фантазио. Слог ее — самый безупречный. За целый год она не сделает ни одной грамматической ошибки.

Эльсбет. Позволено ли мне будет услышать хоть несколько слов, служащих образчиком этого слога?

Фантазио. По правде говоря, мне этого не хотелось бы: это язык особый. Одни только шавки говорят на нем; деревья и даже рыжые зерна тоже понимают его; но королевским дочерям он непонятен. Когда же ваша свадьба?

Эльсбет. Через несколько дней все кончится.

Фантазио. Другими словами, все начнется. Я надеюсь поднести вам подарок моей работы.

Эльсбет. Что за подарок? Это любопытно.

Фантазио. Я надеюсь поднести вам чучело — прехорошенькую канарейку, которая поет будто соловей.

Эльсбет. Как она может петь, если это — чучело?

Фантазио. Она отлично поет.

Эльсбет. Ты, право, с редким упрямством смеешься надо мной.

Фантазио. Нисколько. У моей канарейки в животике — органчик. И так уж заведено, или, вернее, она так заведена, что если тихонько нажать пружинку под левой лопаткой, она пропоет все новейшие оперы, совсем как девица Гризи.

Эльсбет. Должно быть, это плод твоего остроумия?

Фантазио. Отпудь. Это — канарейка придворная. Есть много прекрасно воспитанных девочек, которые умеют себя вести только следующим образом. У них под мышкой на правом боку — маленькая пружинка, изящная маленькая пружинка, и вместо кнопки — бриллиантик, как на часах у пети-метра. Наставник или наставница нажимает пружинку, и вы видите, как губы размыкаются с изящнейшей улыбкой; прекрасный каскад сладостных слов струится с нежным журчаньем, и все общественные приличия, подобные легким нимфам, начинают подпрыгивать на цыпочках вокруг чудесного источника. Жених открывает изумленные глаза, присутствующие благосклонно шепчутся, а отец, чувствующий себя вполне удовлетворенным, с гордостью созерцает золотые пряжки на своих башмаках.

Эльсбет. Ты, кажется, охотно возвращаешься к некоторым темам. Скажи мне, шут, в чем провинились перед тобой эти бедные девушки, что ты так весело высмеиваешь их? И даже чувство долга не внушает тебе уважения, и к нему ты так же беспощаден?

Фантазио. Я очень уважаю уродство, вот почему я так глубоко уважаю самого себя.

Эльсбет. Порою кажется, ты знаешь больше, чем хочешь сказать. Откуда ты и кто ты такой, если за день, что ты пре-был здесь, ты уже сумел проникнуть в тайны, о которых, быть может, и сами принцессы не будут подозревать? Твои шутки рассчитаны на меня или ты говоришь на авось?

Фантазио. На авось, я очень часто говорю на авось: авось мой любимый наперсник.

Эльсбет. Кажется, ты в самом деле узнал от него то, чего не должен был бы знать. Я готова думать, что ты следишь за всеми моими поступками и словами.

Фантазио. Бог весть! Не безразлично ль это вам?

Эльсбет. Не так безразлично, как ты думаешь. Вот только что, пока я в той комнате надевала фату, мне внезапно послышались шаги за портьерой. Едва ли это был не ты.

Фантазио. Не сомневайтесь, что это останется между мной и вашим носовым платком. Я так же скромн, как и чужд любовиства. Какое удовольствие может мне доставить ваша печаль? Какую печаль могут мне причинить ваши удовольствия? Вы — одно, а я — другое. Вы молоды, а я стар; вы прекрасны, я уродлив; вы богаты, я беден. Вы видите, что

между нами нет ничего общего. Не все ли вам равно, что случай столкнул на большой дороге два колеса, которые не могут катиться по одной колесе и не могут оставить одинаковых следов? Моя ли вина, если в то время, пока я спал, одна из ваших слезинок узнала мне на щеку?

Эльсбет. Ты со мной разговариваешь в маске человека, которого я любила, — вот почему я невольно слушаю тебя! Мои глаза словно видит Сен-Жана; но, быть может, ты только циник?

Фантазио. К чему бы мне это послужило? Если правда, что ваша свадьба будет стоить вам слез, и если я случайно это узнал, какая мне выгода рассказывать об этом? Мне за это ничего не дадут, а вас в угол не поставят. Я прекрасно понимаю, что идти замуж за принца Мантуанского должно быть очень несладко; но в конце концов не мне предстоит этот брак. Завтра или послезавтра вы уедете в Мантую в вашем подвенечном платье, вся в цветах, а я останусь сидеть на этом табурете в моих старых башмаках. Как вы думаете, могли ли вы чем-нибудь возбудить во мне злобу? У меня нет оснований желать вашей смерти; вы никогда не давали мне денег взаймы.

Эльсбет. Но если ты по воле случая увидел то, что я хочу скрыть, разве я не должна выгнать тебя, из страха перед новыми случайностями?

Фантазио. Неужели вы собираетесь сравнить меня с наперсником из трагедии и опасаетесь, что я, декламируя, буду следовать за вашей тенью? Не гоните меня, прошу вас. Мне здесь очень весело. Смотрите, вот идет ваша наставница с карманами, полными тайн. В доказательство того, что я не стану подслушивать, пойду в буфетную — съем крылышко птички, которое мажордом припрятал для своей жены. *(Уходит.)*

Наставница *(входит)*. Знаете ли вы ужасную новость, дорогая моя Эльсбет?

Эльсбет. Что ты хочешь сказать? Ты вся дрожишь?

Наставница. Принц — не принц, и адъютант — не адъютант. Это прямо-таки волшебная сказка.

Эльсбет. Что за небывлицы ты мне рассказываешь?

Наставница. Шш! Шш! Это мне только что сказал один из офицеров принца. Принц Мантуанский — настоящий Альмавива; он замаскирован и скрывается среди адъютантов; наверно он решил приблизиться к вам и познакомиться с вами так, как это бывает в сказке. Он замаскирован, этот достойный государь, он замаскирован, как Лидор; тот, кого вам представили в качестве вашего будущего супруга, всего лишь адъютант, которого зовут Маринони.

Эльсбет. Этого не может быть!

Наставница. Это достоверно, тысячу раз достоверно. Этот достойный человек замаскирован, его невозможно узнать; это необыкновенно.

Эльсбет. Ты говоришь, что слышала это от одного из офицеров.

Наставница. От одного из офицеров принца. Вы можете расспросить его самого.

Эльсбет. И он не показал тебе среди адъютантов настоящего принца Мантуанского?

Наставница. Представьте себе, несчастный сам содрогался от того, что говорил мне. Он доверил мне свою тайну, желая угодить вам и зная, что я вас предупрежу. Что касается Маринони, то это положительно известно; но что касается настоящего принца, он не показал мне его.

Эльсбет. Если это — правда, то у меня возникает одно предположение. Поди приведи ко мне этого офицера.

Входит паж.

Наставница. Что случилось, Фламель? Ты, видно, совсем захыхался.

Паж. Ах! Ваша светлость, тут со смеху можно умереть. И не смею говорить в присутствии вашей светлости.

Эльсбет. Говори. Что там еще случилось?

Паж. В ту минуту, когда принц Мантуанский во главе своей свиты верхом въезжал во двор, его парик взвился на воздух и внезапно исчез.

Эльсбет. Как это так? Что за вздор!

Паж. Ваше высочество, умереть мне на этом месте, если я лгу. Парик взвился на удочке. Мы нашли его в буфетной, рядом с разбитой бутылкой; неизвестно, кто сыграл эту шутку. Но тем не менее герцог взбешен и поклялся, что если виновник ее не будет наказан смертью, он объявит войну вашему августейшему отцу и все истребит здесь огнем и мечом.

Эльсбет. Послушай-ка, дорогая, эту историю. Тут даже и мне не удержаться от смеха.

Входит другой паж.

Ну что? Какие новости?

Паж. Ваше высочество, королевский шут в тюрьме; это он похитил парик принца.

Эльсбет. Шут в тюрьме? И по приказанию принца?

Паж. Да, ваше высочество.

Эльсбет (*наставнице*). Пойдем, мне нужно с тобой поговорить.

Уходит с наставницей.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Прииц, Маринони.

Прииц. Нет, нет, я должен сбросить маску. Пора дать волю гневу. Это так не пройдет. Клянусь огнем и кровью! Мопарший парик — на кончике удочки! Или мы у варваров, в пустынях Сибири? Существует ли еще на земле просвещение и пристойность? Я пылаю гневом, и глаза лезут мне на лоб.

Маринони. Ваша горячность губит вас.

Прииц. А этот отец, этот король Баварский, которого так хвалили все прошлогодние альманахи! Этот человек, у которого такая благообразная наружность, который пользуется такими остроумными выражениями, — и вдруг начинает хохотать при виде несущегося по воздуху парика своего зятя! Ибо я в конце концов согласен, Маринони, что стащили всего лишь твой парик, но все равно, разве это не парик приица Мантуанского, если тебя принимают за меня? Когда подумаю, что буду я на твоём месте, я, собственной особой, то и мой парик, пожалуй... О! Есть провидение! Когда сам бог внезапно внушил мне этот замысел — замаскироваться, когда мой ум прорезала эта молния — «Я должен замаскироваться», — роковое событие уже было предусмотрено судьбой. Она спасла от оскорбления, самого нестерпимого, голову, которая управляет моими пародами. Но, клянусь небом! — все откроется. Я слишком долго жертвовал моим достоинством. Если величие земное и небесное терпит безжалостные оскорбления и насилия, если у людей больше нет понятия о добре и зле, если король, правящий многими тысячами, хочочет, словно конох, при виде парика, — Маринони, верни мне мой мундир.

Маринони (*снимая мундир*). Если прикажет мой повелитель, я готов претерпеть ради него тысячи пыток.

Прииц. Мне известна твоя преданность. Идем, я скажу королю все, как есть.

Маринони. Вы отказываетесь от руки принцессы? Однако за обедом она все время явно бросала на вас взгляды.

Прииц. Ты думаешь? Я теряюсь от множества недоумений. Все-таки идем, мы пойдем к королю.

Маринони (*держит мундир*). Как же мне быть, ваша светлость?

Прииц. Надень его еще на несколько минут. Ты ведь скоро возвратишь его мне. Они будут куда более поражены, если я, одетый в этот темный фрак, заговорю тоном, какой мне подобает.

Уходят.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

ТЮРЬМА.

Фантазно (*один*). Не знаю, есть ли провидение, но забавно верить в него. Ведь вот бедная маленькая принцесса поневоле должна была выйти замуж за мерзкое животное, за провинциального недапта, которому судьба уронила на голову корону, как орел Эхилов выронил черепаху. Все было готово: зажгли огни, нанудрили женуха, отысповедовали малютку. Она отерла две прелестные слезинки, те, что утром я видел на ее глазах. Не хватало лишь какой-нибудь глухой проповеди, и несчастье целой ее жизни было бы вполне урочено. Делошло о счастье двух государств, о спокойствии двух народов; и надо было мне замаскироваться горбуном, чтобы еще раз наняться в лакейской во дворце нашего доброго короля и поймать на удочку парик его дорогого родственника. Право, когда я нян, во мне есть что-то сверхчеловеческое. И вот свадьба расстраивается, и все снова под вопросом. Принц Мантуанский за свой парик потребовал моей головы. Король Баварский нашел это наказание слишком уж суровым и согласился только посадить меня в тюрьму. Слава богу, принц Мантуанский так глуп, что скорее даст себя разрезать на куски, чем отступится; итак, принцесса на этот раз останется девой. Если это — не сюжет для эпической поэмы в двенадцати песнях, то, значит, я не знаток в подобных делах. Нош и Буало писали превосходные стихи на сюжеты гораздо менее значительные. Ах! Если б я был поэт, как бы описал я сцену с этим париком, несущимся по воздуху! Но тот, кто способен совершать подобные вещи, не захочет их описывать. Итак, потопство без этого обойдется. (*Засыпает.*)

Входит Эльсбет и ее наставница с лампой в руке.

Эльсбет. Он спит; закройте тихонько дверь.

Наставница. Смотрите, в этом нет сомнений. Он спял свой ненужный тенерь парик, его уродливость сразу же исчезла; вот он — такой, каков он есть на самом деле. каким он показывается своим подданным, стоя на триумфальной колеснице. Это благородный принц Мантуанский!

Эльсбет. Да, это он; мое любопытство удовлетворено. Я хотела видеть его лицо, и только; дай я наклонюсь над ним. (*Берет лампу.*) Психся, не пролей масло твоего светильника.

Наставница. Он прекрасен, как Христос!

Эльсбет. Зачем давала ты мне читать столько романов и волшебных сказок? Зачем ты посеяла в моем бедном уме столько странных и таинственных цветов?

Наставница. Вы стоите на цыпочках, а как взволнованы!

Эльсбет. Он пробуждается. Уйдем.

Фантазио (*просыпаясь*). Не сон ли это? Я держу кончик белого платья.

Эльсбет. Пустите; дайте мне уйти.

Фантазио. Это вы, принцесса! Если вы приняли известить королевскому шуту его чудесное помпирование, позвольте мне снова надеть мой горб и мой парик; это будет сделано в одну минуту.

Наставница. Ах, принц, не стыдно ли вам так обманивать нас?

Фантазио. Принц? Где вы видите принца?

Наставница. Зачем притворяться?

Фантазио. Я ничуть не притворяюсь; только почему вы называете меня принцем?

Наставница. Я знаю, как приличествует обращаться к вашей светлости.

Фантазио. Ваше высочество, умоляю объяснить мне слова этой почтенной дамы. Действительно здесь какое-то странное недоразумение, или надо мной смеются?

Эльсбет. К чему спрашивать это, когда вы сами смеетесь?

Фантазио. Так я, чего доброго, принц? Или есть подозрения насчет чести моей матери?

Эльсбет. Кто же вы, если вы — не принц Мантуанский?

Фантазио. Меня зовут Фантазио, я мюнхенский горожанин. (*Показывает ей письмо.*)

Эльсбет. Мюнхенский горожанин? А почему же вы переодеты? Что вы тут делаете?

Фантазио. Ваше высочество, умоляю — простите меня.

Эльсбет. Что это значит? Встаньте, сударь, и уходите отсюда! Я избавлю вас от наказания, которое вы, быть может, и заслужили. Что побудило вас к этому поступку?

Фантазио. Я не могу объяснить причину, по которой я здесь.

Эльсбет. Вы не можете ее сказать? Но я хочу знать ее.

Фантазио. Извините меня, я не смею сознаться.

Наставница. Уйдем, Эльсбет, не подвергайте себя опасности — слушать речи, недостойные вас. Этот человек или вор, или наглец, который будет вам говорить о любви.

Эльсбет. Я хочу знать причину, заставившую вас надеть этот наряд.

Фантазио. Умоляю вас, пощадите меня!

Эльсбет. Нет, нет! Говорите, или эта дверь на десять лет закроется для вас.

Фантазио. Ваше высочество, я по уши в долгах; мои кредиторы добились на меня управы; вот сейчас мои вещи уже проданы, и если бы я не сидел в этой тюрьме, я сидел бы

в другой. Меня должны были арестовать вчера вечером; не зная, где провести ночь и как избежать преследования полиции, я вздумал надеть этот наряд и скрыться, прижав к стенам короля; если вы вернете мне свободу, меня схватят за шиворот; мой дядя — скупой, он питается картофелем и редиской и виноват в том, что я умираю с голода во всех кабаках королевства. Если вы хотите знать, я должен двадцать тысяч талеров.

Эльсбет. Правда все это?

Фантазно. Если я лгу, то готов заплатить их.

Слышен копский тонот.

Наставница. Вот проскакали лошади; это сам король. Если б можно было подозвать пажа! (*Зовет в окно.*) Эй, Фламель, куда же вы?

Паж (*за окном*). Принц Мантуанский уезжает.

Наставница. Принц Мантуанский!

Паж. Да, объявлена война. Между принцем и королем в присутствии всего двора произошла ужасная сцена, и брак принцессы не состоится.

Эльсбет. Слышите, господа Фантазно? Вы помешали моей свадьбе.

Наставница. Господи боже, принц Мантуанский уезжает, и я его не увижу!

Эльсбет. Какое несчастье, если будет объявлена война!

Фантазно. Вы называете это несчастьем, ваше высочество? Вы предпочли бы иметь мужа, который защищает честь своего парика? О! Если война будет объявлена, ваша светлость, мы будем знать, что нам делать с нашими руками; наши повесы наденут военную форму; я сам возьмусь за свое охотничье ружье, если оно еще не продано. Мы прогуляемся в Италию, и если вы когда-нибудь въедете в Мантую, то въедете как настоящая королева, и для этого не потребуются других свечей, кроме наших шпаг.

Эльсбет. Фантазно, хочешь остаться шутком моего отца? Я заплачу твою двадцать тысяч талеров.

Фантазно. Хотел бы всей душою, но, право, если б я был вынужден к тому, я в первый же день выпрыгнул бы в окно и сбегал бы.

Эльсбет. Почему? Ты же видишь, Сен-Жан умер; нам непременно нужен шут.

Фантазно. Это ремесло мне нравится более всякого другого, но я не могу заниматься никаким ремеслом. Если вы находите, что ваше избавление от принца Мантуанского стоит двадцати тысяч талеров, дайте их мне и не платите моих долгов. Дворянин, не имеющий долгов, не знал бы, куда ему деться. Мне никогда не приходило в голову — жить без долгов.

Эльсбет. Ну, так я тебе их дам; но возьми ключи от моего сада: в день, когда тебе надоест бегать от кредиторов, спрячься среди васильков, где я увидела тебя сегодня утром; не забудь надеть свой парик и пестрый свой наряд; никогда не являйся передо мной иначе, как с этим горбом и серебряными погремушками, потому что ты понравился мне таким; ты снова станешь моим шутом — на время, какое тебе будет угодно, а потом ты опять вернешься к своим делам. Теперь ты можешь идти, дверь открыта.

Н а с т а в н и ц а. Возможно ли, принц Мантуанский уехал, а я не видела его!